

Русский язык

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-75

EDN: JPTKIP

Лексические средства создания образа коня как символа детства и крестьянского труда в повести В. П. Астафьева «Последний поклон»

Елена Ивановна Беглова

Доктор филологических наук, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи, Нижегородская академия МВД России. 603950, Бокс-268, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3
beglova-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3208-0549>

Аннотация. Исследуется лексема «конь» в лирической повести В. П. Астафьева «Последний поклон», создающая своей контекстуально обусловленной семантической трансформацией образ, через который мальчик-сирота воспринимает мир, в частности жизнь односельчан. Актуальность изучения образа коня обуславливается тем, что он является символом русской народной культуры и одновременно мифопоэтическим образом. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить особенности репрезентации автором художественного текста роли коня в жизни детей и взрослых, проживающих в сибирском селе, и в целом в жизни сельского жителя. В результате лексико-семантического и контекстуального анализа текста выявлено, что в повести образ коня можно воспринимать в двух ипостасях: 1) как символ крестьянского труда, когда образ коня складывается из контекстуальных сем «труженик», «помощник»; «рабочий», «старый, опытный», «преданный», «спокойный», «терпеливый»; 2) образ коня из детства персонажа, который порождается контекстуальными семами, составляющими как внешний облик коня – «сильный, молодой», «старый, изработавшийся» (коняга, мерин), – так и как отражение психологического состояния мальчика-сироты, радостных и печальных моментов его жизни (семы «свобода, отдых», «купание в реке», «радость», «сила»), но конь – это и «товарищ», «друг», «человек» в трудные горестные моменты.

В повести образ коня идентично отражает мировоззрение автора и персонажа: конь как член семьи в широком понимании, залог её благосостояния, сытой жизни, облегчения труда.

Ключевые слова: лексема «конь»; контекстуальная сема; символ детства; символ русской народной культуры; гиперо-гипонимическая парадигма; художественный текст

Для цитирования: Беглова Е. И. Лексические средства создания образа коня как символа детства и крестьянского труда в повести В. П. Астафьева «Последний поклон» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 75–84. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-75>. <https://elibrary.ru/JPTKIP>

Russian language

Original article

Lexical means of creating the image of the horse as a symbol of childhood and peasant labor in V. P. Astafiev's story The Last Bow

Elena Ivanovna Beglova

Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign language and speech culture, Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of internal affairs. 603950, Boks-268, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye shosse, 3
beglova-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3208-0549>

Abstract. The lexeme «horse» in V. P. Astafiev's lyrical story «The Last Bow» is studied, which by its contextually determined semantic transformation creates an image through which the orphan boy perceives the world and the life of his fellow villagers in particular. The relevance of studying the horse image is due to the fact that it is both a symbol of Russian folk culture and a mythopoetic image. The purpose of the article is to identify the specifics of the author's

representing the role of the horse in the lives of children and adults in a Siberian village, and in general in the life of the country residents. As a result of lexical-semantic and contextual analysis the author reveals that the horse image in the story can be perceived in two aspects: 1) as a symbol of peasant labor, when the horse image is formed out of the contextual semes «toiler», «helper»; «worker», «old, experienced», «devoted», «calm», «patient»; 2) the horse image from the character's childhood, generated by the contextual semes that constitute both the appearance of the horse – «strong, young», «old, worn out», and as a reflection of the orphan boy's psychological state, joyful and sad moments of his life: the semes «freedom, rest», «bathing in the river», «joy», «strength», but the horse is also a «comrade», «friend», «man» in difficult sad moments. In the story, the image of the horse represents both the worldview of the author and the character: the horse as a member of the family in a broad sense, the basis for the family's well-being, happy life, and easy labor.

Key words: the lexeme «horse»; contextual seme; symbol of childhood; symbol of Russian folk culture; hyperhyponymic paradigm; literary text

For citation: Beglova E. I. Lexical means of creating the image of the horse as a symbol of childhood and peasant labor in V. P. Astafiev's story *The Last Bow*. *Verhnevolszski philological bulletin*. 2024;(2):75–84. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-75>. <https://elibrary.ru/JPTKIP>

Введение

Предметом нашего изучения является лексема «конь» в художественном тексте деревенской прозы, а именно в лирической повести В. П. Астафьева «Последний поклон», написанной в 1968–1993 годах. Это лексема, создающая своей контекстуально обусловленной семантической трансформацией образ лошади / коня, через который мальчик-сирота воспринимает мир, в частности жизнь односельчан в сибирской деревне. Нас заинтересовал в целом образ лошади / коня как символ русской народной культуры, отражённый в названной повести через описание крестьянского уклада жизни и детства мальчика-сироты, которое проецируется на детство самого писателя. Для убедительности выводов мы использовали фрагмент романа-хроники XX века писателя деревенской прозы В. И. Белова «Кануны» (1976), так как писателей многое объединяет. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить особенности демонстрации автором художественного текста роли коня в жизни детей и взрослых, проживающих в сибирском селе, и в целом сельского жителя. Для этого необходимо проследить контекстуальную семантику слова *конь*, отслеживая гиперо-гипонимическую парадигму и обращая внимание равно на речь автора и речь главного персонажа – мальчика, который вынужден был скитаться, когда его забрал отец от бабушки с дедушкой (родителей утонувшей матери), где проходило его раннее детство с горестями и радостями, но со взрослыми, а позже – без них, когда он стал беспризорником. Мы остановились на образе коня ещё и потому, что в повести «Последний поклон» – это один из основных образов, через который описываются радости и горести крестьянского труда, а также воспринимается окружающий мир мальчиком,

оставшимся без помощи взрослых, родных и близких ему людей.

Актуальность изучения образа коня и средств его репрезентации в художественном тексте обусловливается также и тем, что он является символом русской народной культуры и мифопоэтическим образом, притягивающим к себе человека и являющегося частью его жизни, семьи.

Методы исследования

При исследовании художественных текстов были использованы следующие методы: наблюдение, сравнительный, описательный, функциональный, а также лексико-семантический и контекстуальный анализ лексем.

Обзор научных трудов, в которых предметом изучения явились образы коня и других животных в художественном тексте

Необходимо отметить тот факт, что художественные тексты В. П. Астафьева (1924–2001), которому в этом году исполняется 100 лет со дня рождения, всегда притягивали внимание филологов. При этом исследовались конкретные произведения писателя. Так, ряд статей посвящён исследованию повествования в рассказах «Царь-рыба», написанного в 1976 году. Например, Л. Н. Падерина, изучая специфику диалектной лексики в речи персонажей, утверждает, что диалектизмы в тексте являются показателем «своего», такого же, причём чем больше диалектных слов в речи, тем человек ближе к природе [Падерина, 2013, с. 243–247]; Е. А. Снеткова составила семантическое поле «грусть» и «печаль», обратив внимание на эмоциональный фон названного художественного произведения [Снеткова, 2020, с. 120–124]; А. И. Разуvalова изучала образ человека (аборигена) в рассказе В. П. Астафьева «Тимкоуль» и повествовании в рассказах «Царь-

рыба» [Разувалова, 2013], а также проанализировала отношения людей и животных в деревенской прозе 1970-х гг., в том числе в произведениях В. Белова, С. Залыгина, В. Солоухина [Разувалова, 2021].

А. Ю. Большакова обратила внимание на интертекстуальные смыслы произведения В. П. Астафьева «Пастух и пастушка» в сравнении с повестью П. И. Мельникова-Печерского «Старые годы» [Большакова, 2021]. В 2010 году А. И. Смирнова в своей научной статье представила краткий обзор трудов, посвящённых изучению особенностей творчества В. П. Астафьева, назвав их одним словом «астафьеведение» [Смирнова, 2010]. В 2011 году в Омске проведена научная конференция, посвящённая творчеству В. П. Астафьева, материалы которой были опубликованы в сборнике статей [Виктор Астафьев и духовное возрождение России..., 2011]. В рамках астафьеведения проведены исследования Л. Н. Падериной, которая выявила и описала особенности идиостиля В. П. Астафьева [Падерина, 2016], а также продемонстрировала приёмы стилизации авторской речи в произведениях писателя [Падерина, 2019]. Л. Г. Самотик в ряде статей, посвящённых творчеству В. П. Астафьева, предложила изучить его творчество с позиций национального и регионального самосознания, в частности сибирского этнического сознания [Самотик, 2017], а также представила нравственный экологический кодекс населения Сибири, основанный на отношении человека к природе в условиях таёжной действительности, жизни русского человека в Сибири [Самотик, 2019].

Произведения писателей деревенской прозы (как их называли с 1960-х гг.), в частности В. П. Астафьева и В. И. Белова, были предметом филологического интереса с разных аспектов, например, со стороны жанра текста [Романова, 2017], средств реализации элементов смеховой культуры [Берсенева, Федорова, 2019]. О. Е. Перов, исследуя произведение «Затеси», определил этические идеалы автора, его основные идейные установки [Перов, 2018, с. 15–28].

В ряде научных статей были представлены результаты анализа роли животных в художественных текстах деревенской прозы [Разувалова, 2021] или в произведениях поэтов, писателей разной поры, например, в статье Е. Ю. Дрожжиной анализируются образы коровы, собаки, лисицы (в том числе и лошадей), отражённые в раннем творчестве С. А. Есенина, свидетель-

ствующие о его любви к родине, природе, родимой земле [Дрожжина, 2021].

Образ лошади / коня, с одной стороны, это мифопоэтический образ, с другой – он является одним из главных образов, составляющих культуру разных народов, поэтому он был предметом филологических исследований в разное время. Так, изучался образ лошади в русской бытовой и батальной картине конца XIX и начала XX века [Портнова, 2009, с. 172–176] или как один из центральных образов в национальной картине мира алтайцев, тувинцев и хакасов [Челтыгмашева, 2014, с. 203–206].

Конкретно образ коня в художественном тексте был предметом исследования О. А. Скриповой в книге стихов М. И. Цветаевой «Ремесло» [Скрипова, 2016, с. 85–88], которая рассматривала образ коня как символ, связанный и с язычеством, и с христианством, укорененный в национальной культуре. С. Н. Бахтина изучала образ лошади и его символическое содержание в творчестве И. А. Бунина [Бахтина, 2019] и др. В статье Т. К. Ливановой представлены большей частью стихотворные тексты писателей и поэтов, в которых отражён образ коня, лошади, а также анализируется отношение к ним А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина и др. [Ливанова, 2019]. Как видим, образ лошади / коня продолжает интересовать не только писателей-анималистов, но и исследователей, которые обращаются к мифам, народному творчеству и, безусловно, к художественному тексту, что привлекло и наше лингвистическое внимание.

Результаты исследования и их обсуждение

Произведение В. П. Астафьева «Последний поклон» написано в трёх книгах в необычном жанре, который определил сам автор – повесть в рассказах; первая её часть была опубликована в Перми в 1968 году. Писатель посвятил рассказы бабушке, дедушке, односельчанам, селу, где прошло его детство, и его жителям, с которыми он рос, общался. В повести отражена жизнь людей сельской местности в Сибири с её тяготами, радостями и горестями. Безусловно, образ лошади / коня – это ментальный образ русской народной культуры. В крестьянском укладе жизни конь занимает большое место: во-первых, это критерий благосостояния крестьянина (лошадный или безлошадный), во-вторых, конь – это сила, которая позволяет крестьянину, сельскому жителю передвигаться, преодолевая большие расстояния, перевозить тяжёлый груз, облегчая

жизнь. В повести «Последний поклон» в рассказе «Без приюта» в речи автора по-особому определяется место лошади / коня в жизни сельчан: *Нигде нет такого обстоятельного, тихого и умиротворяющего покоя, как в жилищах скота, особенно у лошадей – я думаю, и уравновешенность, солидность крестьян, их уверенность в вечности земного бытия, незаменимости уклада жизни происходили от кормящей их, работающей безотказно бок о бок с ними деревенской животины и в первую голову – надежды, выручки и друга, некорыстного с виду, неуротливого, доброго деревенского коня, который не потерял своего спокойного трудового облика и верности человеку и в городе, попавши в неумелые, порой в варначьи руки людей, не наученных любить и уважать не только скотину, но и самих себя* [Астафьев, 1992, с. 430]. В данном контексте слово *конь* семантически дополняется семами «друг», «труженик», «преданность человеку», «спокойствие», «терпеливость», которые в тексте имплицитно выражены словами *надежда, выручка, друг*, а также словосочетаниями, характеризующими коня: *работающий безотказно бок о бок, добрый деревенский конь, спокойный трудовой облик, верность человеку*. Автор через субъективное восприятие коня репрезентирует его роль в жизни крестьянина, сельского жителя, а также образ самого сельского жителя, для которого конь служит верой и правдой, становясь членом его семьи.

Следует отметить и тот факт, что конь имеет особое значение для детей: это символ детства, в котором он воплощает радость после труда, защиту от одиночества и одновременно отдых, раскованность, свободу от труда, волю.

Заметим, что в рассказах повести «Последний поклон» мы видим коня реального и «пряничного» (сладкий пряник в виде коня). Кроме того, лексема *конь* имеет синонимические замены, порождающие гиперо-гипонимическую парадигму, через которую эксплицируется статус лошади / коня среди подобных и статус деревенского жителя, имеющего коня. Остановимся на этом подробно.

Один из рассказов повести В. П. Астафьева имеет название «*Конь с розовой гривой*». «*Пряничный*» конь в детстве сибирских детей – это их мечта, потому что он делает того, кто его получает, на время лидером в группе ребятшек. Дети в деревне, которые вынуждены были довольствоваться овощами с огорода (картошка, брюква, капуста) да куском хлеба, мечтали о сладо-

стях, которые, в частности, представлял собой пряник, привезённый кем-нибудь из взрослых из города как награду. А если пряник был еще и в виде коня, да ещё с розовой и белой глазурью, то это было высшей наградой для ребёнка: *Пряник конём! Это же мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, копыта тоже розовые* [Астафьев, 1992, с. 50]. *Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Но пряник – совсем другое дело. Пряник можно сунуть под рубаху, бежать и слышать как конь лягает копытами в голый живот. Холодея от ужаса – потерял, – хвататься за рубаху т со счастьем убеждаться – тут он, тут конь-огонь!* [Астафьев, 1992, с. 50]. В данном фрагменте соединились речь автора и речь мальчика: автор вспоминает и идентифицирует своё детство и чувства, которые испытывал мальчик из его рассказа. В восприятии ребёнка, с одной стороны, конь одухотворяется в сознании ребёнка, воспринимается как живой, с другой – он символ радости – *конь-огонь*, – согревающий душу и тело ребёнка, это его богатство, дающее ему, хотя и на время, превосходство над другими детьми, часто обижающими его и отказывающимися от дружбы с ним: *С таким конём сразу почёту столько, внимания! Ребята левонтьевские так и этак ластятся, и в чижа первому бить дают, и из рогатки стрельнуть, чтоб только им позволили потом откусить от коня либо лизнуть его. Когда даёшь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусить положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останутся от коня хвост, да грива* [Астафьев, 1992, с. 50]. Итак, *конь-пряник, конь игрушка* – это символ детства, воплощающий в себе мечты ребёнка, а также демонстрирующий его статус в группе детей, с которыми он вместе проводит время то в согласии, то в ссоре. В данном рассказе «пряничный» конь для мальчика – это предмет, изменяющий его статус в группе левонтьевских ребят, то есть детей соседа Левонтия, живших очень бедно, чаще голодных, чем сытых, поэтому добывающих себе пропитание любым путём, в частности путём унижения других детей. Пряник в виде коня – это главный аргумент мальчика-сироты, который мог остановить обидчиков: – *Бабушки Петровны испугался! Эх ты! – закривлялся Санька и назвал меня поганым словом. Он много знал таких слов. Я тоже знал, научился говорить их у левонтьевских ре-*

бят, но боялся, может, стеснялся употреблять поганство и несмело заявил: «Зато мне бабушка пряник конём купит!» «Может, кобылой?» – усмехнулся Санька... [Астафьев, 1992, с. 55–56]. Синонимичная лексема *кобыла*, заменяющая слово *конь*, уничижает желание мальчика и его самого. В этом рассказе важен запечатлённый детский проступок, который навсегда остался в памяти ребёнка: в лесу он съел собранные им же ягоды и, чтобы бабушка не ругалась, забил туюсок больше половины травой, сверху насыпал землянику, будто туюсок полный. Бабушка, не пересыпав ягоды, так и повезла в город продавать землянику в туюске, обещав на вырученные за ягоды деньги купить внуку пряник «конём». Обман открылся в городе, когда покупательница обнаружила подлог. Бабушка долго ругала внука, жалуясь на него деду, соседям, но конец этой истории был совсем неожиданным для ребёнка: *Не зная, что делать, как дальше жить, я разглаживал заплатку на штанах, вытягивал из неё нитки. А когда поднял голову, увидел перед собой... Я зажмурился и снова открыл глаза. Ещё раз зажмурился, ещё раз открыл. По скоблёному кухонному столу, будто по огромной земле с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах, скакал белый конь с розовой гривой<...> Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло. Нет в живых дедушки, нет и бабушки, да и моя жизнь клонится к закату, а я всё не могу забыть бабушкиного пряника – этого дивного коня с розовой гривой* [Астафьев, 1992, с. 68].

Лексема *конь* в разных контекстах приобретает новые семантические оттенки: это *лошадь* здоровая, сильная, но в некоторых рассказах превращается в *мерина*, *конягу*. При этом в контексте слово *мерин* получает контекстуальную сему «опытный, возрастной» конь, лексема *коняга* – семы «усталый», «трудолюбивый» конь.

Конь – это символ детской радости и одновременно некой обязанности: нужно было ухаживать за конём. В рассказе «*Монах в новых штанах*» мы наблюдаем восприятие ребёнком коня по кличке Ястреб: *Санька скребком чистил нашего Ястреба, а тому, видать, щекотливо, и он дрожал кожей, дрыгал ногами. «Н-н-но, ты попляши у меня!» – крикнул на мерина Санька. А что кричать на конягу, которой нет выносливей и терпеливей в селе, которую даже бабушка балует, иногда хлебцем-корочкой, и говорит с насмешкой, что наш конь жил у семи попов, по семи годов, а всё ему семь лет от ро-*

ду... Старенький, старенький Ястреб! Ну и что? И дед старенький, да лучше его нет на свете человека. Цена не по летам, а по делам... [Астафьев, 1992, с. 101]. Ребёнок приравнивает коня к человеку, потому что конь для него член семьи, в которой главной является бабушка, потом дедушка, внук и конь, которого все они любят, он их помощник. Синонимический ряд *мерин*, *коняга*, *конь* демонстрирует пол лошади (*мерин*), его возраст (*коняга*) и силы коня, которые покидают его с возрастом, так как Ястреб *старенький*. Повтор эпитета *старенький* свидетельствует о его долгом тяжёлом труде и преданности человеку, что подтверждает и описание купания коня.

Купание коня в реке как обязанность детей демонстрирует то, что для детей – это отдых после труда, радость, показатель взрослости (раз взрослые доверяют купать коня): *Мы с Санькой, держась с двух сторон за оброть, повели Ястреба к реке. Он спускался по каменистому бычку, опасливо расставлял передние ноги скамейкой, тормозил себя изношенными, продырявленными гвоздём копытами. В воду забрёл, остановился, тронул дряблыми губами отражение в воде, будто поцеловался с таким же старым пегим конём* [Астафьев, 1992, с. 101]. Подробно описываются движения коня, который постарел, и, как старик, спускается с горки, боясь упасть: *изношенные копыта, дряблые губы, старый пегий конь*. Сцена купания коня описана подробно, как и сам конь, потому что для ребёнка-сироты этот конь воспринимается наравне с бабушкой и дедушкой: *Мы брызгали на него водой. Конь передёрнулся кожей на спине и, громко бухая копытами по камням, удало мотая бородастой головой, побрёл вглубь, мы за ним, охая, держась за гриву и за хвост, тащились. Выбрел Ястреб на галечный мысок, остановился по брюхо в воде и отдался на волю течения. Мы скребли голиком прогнутую, трудовыми мозолями покрытую спину, шею, грудь. Ястреб подрагивал кожей в радостной истоме переступал ногами и даже пробовал играть, хватал нас отвислой губой за воротники. «Н-не балуй!» – кричали мы. Но Ястреб не слушался, да мы и не ждали, чтоб он слушался, орали просто так, по привычке, на конягу <...> Хорошо-то как! Ястреб купается. Дед на каменном бычке стоит, забылся, лето в шуме, суете, в нескучных хлопотах подкаатило* [Астафьев, 1992, с. 102]. Чувство радости усиливается тем, что конь и дед рядом, а река, лето – символизируют для ребёнка свободу в

движениях и мыслях, все неприятности отходят на второй план, как и желание иметь новые штаны, которые он долго просит у бабушки: *Можно жить на этом свете! И шут с ними, со штанами и с сапогами тоже. Наживу еще. Заработаю* [Астафьев, 1992, с. 102]. И так, в данных выше контекстах **конь** именуется синонимом **коняга**, выражая смысловой оттенок «старый, изношенный трудом», как и слово **мерин**. Таким образом, **конь** – символ крестьянского детства, крестьянского труда. Для детей **конь** – это радость, вольница, что связано с купанием, рекой и летом.

Иногда, особенно в трудные минуты, для ребёнка конь является товарищем, которому можно поведать о своём горе, неприятностях, о которых стыдно рассказать взрослым или малознакомому сверстнику. Так, в рассказе «*Без приюта*» подросток оказался в неожиданной ситуации – он выпил спиртное, чтобы мачеха, злоупотребляющая алкоголем, его не допила и не стала совсем пьяной, не думая при этом о последствиях: *Неизвестной мне дорогой – пьяных же чёрт водит! – я проник на конный двор, располагавшийся в соседстве с парикмахерской, попал в стойло к рабочим коням, если б к жеребцу – зашиб бы он меня. Обнимая смиренную конягу за шею, истёртую хомутом, я чего-то ей объяснял, целовал в окуржавелую морду. У коняги подрагивали широкие ноздри, она деликатно отворачивалась от меня, как девушка в автобусе от назойливого пропойцы. В печальном глазу коняги стоял молчаливый мне укор. И по сию пору, когда я гляжу на рабочую конягу, мне вспоминается покойный дедушка Илья Евграфович, и тогда тоже, видеть, вспомнился* [Астафьев, 1992, с. 403]. **Конь** – символ сельского труженика, помощника человека, без которого жизнь на селе невозможна, поэтому **конь** – это член семьи, человек, как он воспринимается героем в данном контексте – **конь** – это товарищ. Здесь семантически разграничиваются лексемы **конь**, **коняга**, **жеребец**: **конь** – нейтральное, лошадь, **коняга** – это рабочая лошадь, сильная; **жеребец** – молодой, сильный, резвый конь, еще не познавший трудностей и тяжести крестьянского быта и труда.

Аналогичное отношение к коню / лошади мы наблюдаем в романе В. И. Белова «Кануны», в котором лошадь является и помощницей, и кормилицей, и показателем достатка, и показателем статуса крестьянина среди односельчан, а также членом семьи. Всё это свидетельствует об отношении русского человека к коню, как к равному себе, нашедшем отражение в русской народной

культуре. Приведём фрагменты из романа В. И. Белова: **Жеребец**, по кличке *Ундер*, надёжно кормил и поил, обувал и одевал всю семью. Это был красивый зверина гнедой масти. Судейкин надрубил для него короткий хлев и непределал ворота, отчего изба стала меньше двора. Дом «вылягнул», как говаривал Савватей Климов, который соперничал с Акиндином по пригоножкам [Белов, 1993, с. 129]. Данный текст показывает такое ментальное отношение русского человека к лошади / коню: человек отдаёт часть своего жилья жеребцу. Или ещё один фрагмент, в котором персонаж Павел прямо говорит о равенности коня по кличке **Карько** самому себе: *Павел только теперь по-настоящему оценил Карька и был благодарен ему, как был благодарен сидящей рядом жене, тестю Ивану Никитичу, Аксинье, даже деду Никите. И Серёжке – за что, не знал и сам, а, может, и не замечал той благодарности, только чувствовал её и любил всех. Карько был для него равным среди них. Это было тоже одухотворённое существо, понимающее его, Пашку. Преданное, родное и верное, доверившее ему себя существо. Павел понял это ещё с того грозного дня, когда как раз после свадьбы ездил за сеном и увидел столбовое для мельницы дерево. Может быть, Карько своими лёгкими решительными прыжками по глубокому снегу с возом помог Павлу решиться на невиданное для Шибанихи дело. Помнит Пашка и день помочей, и день, когда ездил за столбом: без Карька, без его лошадиного опыта ни за что бы не вывезти из лесу того столба. Да и не только столба. Три сотни деревьев, которые лежали сейчас а отцовском угоре, без него, без Карька, и теперь бы стояли свечками...* [Белов, 1993, с. 134].

В художественных текстах обоих писателей мы наблюдаем идентичное отношение человека к коню как к товарищу, члену семьи, без которого невозможно было бы совершать непосильные для одного человека дела.

Гиперо-гипонимическая парадигма также идентична: **лошадь**: конь, мерин, жеребец, кобыла. В толковых словарях русского языка (в синонимической парадигматике) эти лексемы фиксируются в следующих значениях: **лошадь** – крупное домашнее парнокопытное животное [СО, 1983, с. 292]; крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов [СТСРЯ, 2004, с. 326]; **конь** – лошадь (преимущественно о самце) [СО, 1983, с. 260; СТСРЯ, 2004, с. 288]; **жеребец** – самец лошади, достигший по-

ловой зрелости [СО, 1983, с. 171; СТСРЯ, 2004, с. 188]; *мерин* – кастрированный жеребец [СО, 1983, с. 306; СТСРЯ, 2004, с. 343]; *кобыла* – самка лошади [СО, 1983, с. 249; СТСРЯ, 2004, с. 275]. То есть в словарях отражены значения, связанные с половым различием лошади: *конь*, *мерин*, *жеребец* – самец лошади; *лошадь*, *кобыла* – самка. В контекстах повести В. П. Астафьева и романа В. И. Белова названные лексемы получают семантическое приращение: *жеребец* – молодой, здоровый конь, символизирующий силу; *мерин*, *коняга* – это конь, уставший от работы, утративший былую силу, но преданный человеку до конца.

Следует особо заметить то, что к творчеству и личным отношениям В. П. Астафьева и В. И. Белова проявляли интерес как лингвисты, так и литературоведы. Неслучайно, что этих двух писателей деревенской прозы объединяли и изучали в сравнении, например, этому посвящены исследования литературоведов Ю. В. Розанова [Розанов, 2020], В. А. Пищальниковой и Чэнь Ваньжоу [Пищальникова, Чэнь Ваньжоу. 2018]. Лингвисты изучали язык произведений В. П. Астафьева как язык человека Сибири (о чём мы говорили выше), и произведений В. И. Белова как вологодский язык. Например, в статье Ю. В. Судакова предметом лингвистического анализа явился вологодский диалект как отражение восприятия окружающего мира человека вологодской земли и авторского мирознания В. И. Белова, в том числе и в романе «Кануны», а также выявлены частотные выразительные средства, которыми явились сравнения, колористическая лексика, синтаксические особенности [Судаков, 2018, с. 54–60]. Эти писатели деревенской прозы во многом имели общее восприятие человека или животного в жизни человека, о чём свидетельствует и наш контекстуальный анализ лексем *конь*, *лошадь*, входящих в гиперогипонимическую парадигму с гиперонимом *лошадь*: *конь*, *мерин*, *жеребец*, *коняга*, *кобыла*.

Заключение

Таким образом, в повести «Последний поклон», рассказы которой были написаны в разное время, по нашему мнению, образ коня можно воспринимать в двух ипостасях: 1) как символ крестьянского труда, когда образ коня складывается из контекстуальных сем «труженик», «помощник»; «рабочий», «старый, опытный», «преданный», «спокойный», «терпеливый»; 2) образ коня из детства персонажа, который порождает

контекстуальными семами, составляющими как внешний облик коня – «сильный, молодой», «старый, изработавшийся» (*коняга*, *мерин*), – так и как отражение психологического состояния мальчика-сироты, радостных и печальных моментов его жизни: семы «свобода, отдых», «купание в реке», «радость», «сила», но конь – это и «товарищ», «друг», «человек» в трудные горестные моменты.

В повести образ коня идентично отражает мировоззрение автора и персонажа: конь как член семьи в широком понимании, залог её благосостояния, сытой жизни, облегчения труда.

Как свидетельствуют тексты писателей деревенской прозы В. П. Астафьева и В. И. Белова, в русской ментальности конь в какой-то степени олицетворяется (антропоморфируется) и становится равным человеку; это помощник, кормилец, добытчик и даже член семьи. Основными качествами, сближающими человека и коня, являются преданность, терпеливость, находчивость.

Гиперогипонимическая лексическая парадигма *конь*, *мерин*, *коняга*, *жеребец* с гиперонимом *лошадь* демонстрирует, с одной стороны, статус коня в жизни человека: его силу, возраст, трудолюбие; с другой стороны – статус человека среди сельчан: недостаток, трудолюбие.

Библиографический список

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений в шести томах. Т. 3. Последний поклон. Кн. 1–2. Москва : Молодая гвардия, 1992. 462 с.
2. Берсенева Л. А., Федорова А. В. Локальная смеховая культура и языковые средства выражения в художественной прозе В. И. Белова 1960-х годов // Филологические науки. 2019. № 2. С. 106–115.
3. Бахтина С. Н. Образ лошади и его символическое содержание в творчестве И. А. Бунина // Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых. Екатеринбург : УрФУ, 2019. С. 240–245. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/74407?ysclid=lqz7gb33ts327082962> (дата обращения : 04.01.2024)
4. Белов В. И. Кануны // Собр. соч. в 5-ти томах. Т. 3. Москва : Современник, 1993. 448 с.
5. Большакова А. Ю. «Современная пастораль» В. П. Астафьева : опыт интертекстуального прочтения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 226–244. URL: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2044&article_id=46698 (дата обращения: 03.02.2024).
6. Виктор Астафьев и духовное возрождение России: материалы Международной научно-практической конференции. Омск, 29–30 ноября 2011 года. URL:

<https://file:///C:/Users/ElenaBeglova/Downloads> (дата обращения: 12.02.2024).

7. Дрожжина Е. Ю. Уроки милосердия в анималистических стихах С. А. Есенина 1910-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. Выпуск I. С. 49–54. URL: <http://journals.bsu.ru> (дата обращения : 06.02.2024).

8. Ливанова Т. К. Классики о лошадях и на лошадях // Парус. 2019. № 72. 02.03.2019. URL: <https://журнальныймир.рф/parus-no272-2019?ysclid=lt048wdkxo949541019> (дата обращения :21.02.2024).

9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд-е, стер. Москва : Русский язык, 1983. 816 с. (В тексте – СО).

10. Падерина Л. Н. Диалектизм как коммуникативное средство различия «своих» и «чужих» (на примере произведения В.П. Астафьева «Царь-рыба») // Человек и языки в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. Выпуск 4. / ред. Б. Я. Шарифуллин. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2013. С. 243–247. URL: <https://www.openrepository.ru/article?id=421529&ysclid=lt17z9enfd22669318> (дата обращения: 19.12.2023).

11. Падерина Л. Н. Особенности идиостиля В. П. Астафьева (обзор имеющихся исследований) // Эпоха науки. Гуманитарные науки. 2016. № 6. С. 170–180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-idiostilya-v-p-astafieva-obzor-imeyuschihsyaisledovaniy/viewer> (дата обращения: 19.02.2024)

12. Падерина Л. Н. Приёмы стилизации авторской речи в произведениях В. П. Астафьева // Эпоха науки. Общественные и гуманитарные науки. 2019. № 19. С. 139–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-stilizatsii-avtorskoj-rechi-v-proizvedeniyah-v-p-astafieva/viewer> (дата обращения: 18.02.2024).

13. Перов О. Е. «Жестокий» реализм Виктора Астафьева: апология выживания и проповедь милосердия // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Международной научно-практической конференции (28 апреля, 2018 г., г. Краснодар) : сборник статей / под ред. И. В. Рус-Брюшининой, Е. А. Березконой. Краснодар : Дом-Юг, 2018. С. 15–28.

14. Пищальникова В. А., Чэнь Ваньжоу Репрезентация базовых ценностей в деревенской прозе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Выпуск 14 (809). 2018. С. 268–279. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-bazovyhtsennostey-v-derevenskoj-proze-na-materiale-proizvedeniy-v-astafieva-v-belova/viewer> (дата обращения: 21.02.2024).

15. Портнова И. В. Образ лошади в русской бытовой и батальной картине конца XIX и начала XX века // Вестник Нижегородского государственного уни-

верситета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6. С. 172–176.

16. Разуvalова А. И. Образ северного инородца в прозе В. П. Астафьева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 4 (24). С. 96–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-severnogo-inorodtsa-v-proze-v-p-astafieva?ysclid=lsre1xyim8562163411> (дата обращения: 18.02.2024).

17. Разуvalова А. И. Люди и звери в неопочвеннической прозе // Новое литературное обозрение, 2021. № 170. С. 147–166. URL: <https://spbib.ru/en/catalog/-/books/12807939-people-and-animals-in-neopochvennichestvo-prose?ysclid=lsrdumy97895496665> (дата обращения: 16.02.2024).

18. Розанов Ю. В. Василий Белов и Виктор Астафьев: к истории личных и творческих отношений // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Том 42. № 7. С. 72–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vasilij-belov-i-viktor-astafiev-k-istorii-lichnyh-i-tvorcheskih-otnosheniy/viewer> (дата обращения: 23.02.2024).

19. Романова С. В. Поэтика сказа в «Бухтинах вологодских» В. И. Белова // Учёные записки. 2013. Т. 15. С. 206–213.

20. Самотик Л. Г. Национальное и региональное самосознание в творчестве В.П. Астафьева // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2. С. 156–169.

21. Самотик Л. Г. «Таёжный закон» в произведениях В.П. Астафьева: семантика понятия народной экологии // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 1. С. 89–103.

22. Скрипова О. А. «Всадник-конь» в книге стихов М. Цветаевой «Ремесло» // Филологический класс. 2016. № 4 (46). С. 85–88.

23. Смирнова А. И. Астафьеведение сегодня: актуальные проблемы изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Выпуск 9. 2010. С. 136–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/astafievedenie-segodnya-aktualnye-problemy-izucheniya/viewer> (дата обращения: 19.02.2024).

24. Снеткова Е. А. Семантическое поле «грусть» и «печаль» в произведении В. П. Астафьева «Царь-рыба» // Вестник Ленинградского государственного университета. Т. 1. Филология. 2011. № 4. С. 120–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-pole-grust-i-pechaly-v-proizvedenii-v-p-astafieva-tsar-ryba> (дата обращения: 25.02.2024).

25. Современный толковый словарь русского языка / автор проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов. Москва : РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ, 2004. 960 с. (В тексте – СТСРЯ).

26. Судаков Ю. В. Особенности языка художественной прозы В. И. Белова // Русский язык ив школе. 2018. № 7. С. 54–60. URL:

<https://www.booksite.ru/pressa/1064.htm?ysclid=lt1an20ggu913344275> (дата обращения: 18.02.2024).

27. Челтыгмашева Л. В. Художественный образ коня в литературе народов Саяно-Алтая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1. В 2-х частях Ч. 1. С. 203–206.

Reference list

1. Astaf'ev V. P. Sbranie sochinenij v shesti tomah. T. 3. Poslednij poklon. Kn. 1–2 = Collected works in six volumes. V. 3. The Last Bow. Books 1-2. Moskva : Molodaja gvardija, 1992. 462 s.

2. Berseneva L. A., Fedorova A. V. Lokal'naja smehovaja kul'tura i jazykovye sredstva vyrazhenija v hudozhestvennoj proze V. I. Belova 1960-h godov = Local laughter culture and linguistic expressive means in V. I. Belov's 1960s prose fiction // Filologicheskie nauki. 2019. № 2. S. 106–115.

3. Bahtina S. N. Obraz loshadi i ego simbolicheskoe sodержanie v tvorchestve I. A. Bunina = The Horse image and its symbolic content in I.A. Bunin's work // Hudozhestvennaja literatura: opyt sovremennogo prochtenija: sbornik statej molodyh uchenyh. Ekaterinburg : UrFU, 2019. S. 240–245. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/74407?ysclid=lqz7gb33ts327082962> (data obrashhenija : 04.01.2024)

4. Belov V. I. Kanuny = Eves // Sobr. soch. v 5-ti tomah. Tom 3. Moskva : Sovremennik, 1993. 448 s.

5. Bol'shakova A. Ju. «Sovremennaja pastoral'» V. P. Astaf'eva : opyt intertekstual'nogo prochtenija = V. P. Astaf'ev's "Modern Pastoral": the experience of intertextual reading // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2021. № 69. S. 226–244. URL: http://journalna-ls.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2044&article_id=46698 (data obrashhenija: 03.02.2024).

6. Viktor Astaf'ev i duhovnoe vozrozhdenie Rossii = Victor Astaf'ev and the spiritual revival of Russia : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Omsk, 29–30 nojabrja 2011 goda. URL: <https://file:///C:/Users/ElenaBeglova/Downloads> (data obrashhenija: 12.02.2024).

7. Drozhzhina E. Ju. Uroki miloserdija v animalisticheskikh stihah S. A. Esenina 1910-h gg. = Lessons of mercy in S. A. Yesenin's animalistic poems of the 1910s // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2021. Vypusk I. S. 49–54. URL: <http://journals.bsu.ru> (data obrashhenija : 06.02.2024).

8. Livanova T. K. Klassiki o loshadjah i na loshadjah = Classics about horses and on horses // Parus. 2019. № 72. 02.03.2019. URL: <https://zhurnal'nyjmir.rf/parus-no272-2019?ysclid=lt048wdkxo949541019> (data obrashhenija :21.02.2024).

9. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka = The Russian language dictionary / pod red. N. Ju. Shvedovoj. 14-e izd-e, ster. Moskva : Russkij jazyk, 1983. 816 s. (V tekste – SO).

10. Paderina L. N. Dialektizm kak kommunikativnoe sredstvo razlichenija «svoih» i «chuzhih» (na primere proizvedenija V. P. Astaf'eva «Car'-ryba») = Dialectism as a communicative means of distinguishing between «their own» and «strangers» (V. P. Astaf'ev's work «Tsarfish») // Chelovek i jazyki v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnyh statej. Vypusk 4. / red. B. Ja. Sharifullin. Krasnojarsk : Sibirskij federal'nyj universitet, 2013. S. 243–247. URL: <https://www.openrepository.ru/article?id=421529&ysclid=lt17z9enfd22669318> (data obrashhenija: 19.12.2023).

11. Paderina L. N. Osobennosti idiostilja V. P. Astaf'eva (obzor imejushihhsja issledovanij) = V. P. Astaf'ev's idiostyle characteristics (review of existing studies) // Jepoha nauki. Gumanitarnye nauki. 2016. № 6. S. 170–180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-idiostilya-v-p-astafieva-obzor-imeyuschihhsya-issledovanij/viewer> (data obrashhenija: 19.02.2024)

12. Paderina L. N. Prijomy stilizacii avtorskoj rechi v proizvedenijah V. P. Astaf'eva = Methods of stylizing the author's speech in V. P. Astaf'ev's works // Jepoha nauki. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2019. № 19. S. 139–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-stilizatsii-avtorskoj-rechi-v-proizvedenijah-v-p-astafieva/viewer> (data obrashhenija: 18.02.2024).

13. Perov O. E. «Zhestokij» realizm Viktora Astaf'eva: apologija vyzhivanija i propoved' miloserdija = Victor Astaf'ev's 'cruel' realism: apology of survival and preaching of mercy // Aktual'nye voprosy filologicheskikh issledovanij: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (28 aprelja, 2018 g., g. Krasnodar) : sbornik statej / pod red. I. V. Rus-Brjushininoj, E.A. Bereckoj. Krasnodar : Dom-Jug, 2018. S. 15–28.

14. Pishhal'nikova V. A., Chjen' Van'zhou Representacija bazovyh cennostej v derevenskoj proze = Representation of basic values in village prose // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Vypusk 14 (809). 2018. S. 268–279. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/representatsiya-bazovyh-tsennostej-v-derevenskoj-proze-na-materiale-proizvedenij-v-astafieva-v-belova/viewer> (data obrashhenija: 21.02.2024).

15. Portnova I. V. Obraz loshadi v russkoj bytovoj i batal'noj kartine konca XIX i nachala XX veka = The horse image in Russian putku and battle paintings of the late XIX and early XX centuries // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2009. № 6. S. 172–176. [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2009_6\(2\)/29.pdf?ysclid=lt1bem9xl3921723111](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2009_6(2)/29.pdf?ysclid=lt1bem9xl3921723111) (data obrashhenija : 10.02.2024).

16. Razuvalova A. I. Obraz severnogo inorodca v proze V. P. Astaf'eva = The image of the northern stranger in V. P. Astaf'ev's prose // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2013. № 4 (24).

S. 96–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-severnogo-inorodtsa-v-proze-v-p-astafieva?ysclid=lsre1xyim8562163411> (data obrashhenija: 18.02.2024).

17. Razuvalova A. I. Ljudi i zveri v neopochvennicheskoj proze = People and animals in neonativist prose // *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2021. № 170. S. 147–166. URL: <https://spbib.ru/en/catalog/-/books/12807939-people-and-animals-in-neopochvennichestvo-prose?ysclid=lsrdumy97895496665> (data obrashhenija: 16.02.2024).

18. Rozanov Ju. V. Vasilij Belov i Viktor Astaf'ev: k istorii lichnyh i tvorcheskih otnoshenij = Vasily Belov and Viktor Astaf'ev: towards the history of personal and creative relations // *Uchjonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. Tom 42. № 7. S. 72–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vasilij-belov-i-viktor-astafiev-k-istorii-lichnyh-i-tvorcheskih-otnoshenij/viewer> (data obrashhenija: 23.02.2024).

19. Romanova S. V. Pojetika skaza v «Buhtinah vologodskih» V. I. Belova = The tale poetics in V. I. Belov's Bukhtinas of Vologda // *Uchjonye zapiski*. 2013. T. 15. S. 206–213.

20. Samotik L. G. Nacional'noe i regional'noe samosoznanie v tvorcestve V.P. Astaf'eva = National and regional self-awareness in V.P. Astaf'ev's work // *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*. 2017. № 2. S. 156–169.

21. Samotik L. G. «Tajozhnyj zakon» v proizvedenijah V.P. Astaf'eva: semantika ponjatija narodnoj jekologii = «Taiga law» in V.P. Astaf'ev's works: semantics of the folk ecology concept // *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*. 2019. № 1. S. 89–103.

22. Skripova O. A. «Vsadnik-kon'» v knige stihov M. Cvetaevoj «Remeslo» // *Filologicheskij klass*. 2016. № 4 (46). S. 85–88.

23. Smirnova A. I. Astaf'evdenie segodnja: aktual'nye problemy izuchenija = Astaf'ev studies today: topical problems // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija 8. Vypusk 9. 2010. S. 136–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/astafievedenie-segodnya-aktualnye-problemy-izucheniya/viewer> (data obrashhenija: 19.02.2024).

24. Snetkova E. A. Semanticheskoe pole «grust'» i «pechal'» v proizvedenii V. P. Astaf'eva «Car'-ryba» = Semantic field «sadness» and «sorrow» in V. P. Astaf'ev's The Kingfish // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 1. Filologija. 2011. № 4. S. 120–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-pole-grust-i-pechal-v-proizvedenii-v-p-astaf-eva-car-ryba> (data obrashhenija: 25.02.2024).

25. *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Modern explanatory dictionary of the Russian language / avtor proekta i gl. red. S. A. Kuznecov*. Moskva : RID-ERZ DAJDZHEST, 2004. 960 s. (V tekste – STSRJa).

26. Sudakov Ju. V. Osobennosti jazyka hudozhestvennoj prozy V. I. Belova = The specifics of V. I. Belov's language of prose fiction // *Russkij jazyk iv shkole*. 2018. № 7. S. 54–60. URL: <https://www.booksite.ru/presa/1064.htm?ysclid=lt1an20gg913344275> (data obrashhenija: 18.02.2024).

27. Cheltygmasheva L. V. Hudozhestvennyj obraz konja v literature narodov Sajano-Altaja = Artistic image of the horse in the literature of Sayan-Altai peoples // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 1. V 2-h chastjah Ch. 1. S. 203–206.

Статья поступила в редакцию 20.04.2024; одобрена после рецензирования 08.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 20.04.2024; approved after reviewing 08.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024